

Николай Добролюбов

Обзор детских журналов

Николай Александрович Добролюбов

Обзор детских журналов

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3120255

Аннотация

Рецензия свидетельствует о большом внимании, которое уделял Добролюбов вопросам воспитания детей – одной из проблем, широко поставленных в 60-е годы XIX века.

«...В области детского чтения ныне совершается то же самое, что уже давно совершилось вообще с нашей литературой, журналы заступают место книг. <...> ...составляется в год до 80 книжек самого разнообразного детского чтения. Такого богатства у нас до сих пор не бывало; новые книжки для детей считались доселе не десятками, а единицами, да и то выходили больше к праздникам...»

Содержание

Примечания
Комментарии

27

Николай Александрович Добролюбов

Обзор детских журналов

1) «Звездочка», журнал для детей, изд. А. Ишимовой, 1859, I–VI. – 2) «Лучи», журнал для девиц, изд. А. Ишимовой, 1859, I–VI. – 3) «Журнал для детей», изд. М. Чистяковым, 1859, №№ 1–24

В области детского чтения ныне совершается то же самое, что уже давно совершилось вообще с нашей литературой, журналы заступают место книг. До прошлого года у нас было, три небольших детских журнала: «Звездочка» и «Лучи» г-жи Ишимовой и «Журнал для детей» г. Чистякова. В прошлом году к ним прибавился «Подснежник» г. В. Майкова. В нынешнем году появились еще: «Детский журнал» г. Залесского (в Москве), «Собеседник», журнал для детей и для родителей г. Ушакова, и «Рассвет», журнал для девиц г. Кремпина. Таким образом, составляется в год до 80 книжек самого разнообразного детского чтения. Такого богатства у нас до сих пор не бывало; новые книжки для детей считались доселе не десятками, а единицами, да и то выходили больше к праздникам. Теперь же периодически – каждый месяц вы можете получать шесть книжек, да, кроме того, каждую неделю по листочку журнала г. Чистякова; такое развитие

получила у нас детская литература!

Обширность размеров, принятых ныне детской журналистикой, обязывает нас остановиться на этом явлении и дать о нем отчет нашим читателям. Такой отчет может иметь даже практическую пользу, облегчая для родителей и воспитателей знакомство с каждым журналом и выбор того или другого из них. Едва ли кто захочет выписывать для своих детей *все* журналы, которые стоят до 45 рублей. Едва ли кто станет и перечитывать их по доброй воле, потому что это очень скучно. Для облегчения работы воспитателей и родителей мы и решились, не прибегая к голословным осуждениям и не предлагая догматических советов, изложить то, что нами замечено в каждом из детских журналов, указать на его характеристические особенности, его направление, изложение статей и пр. Тогда само собой будет видно, что есть в журнале и в какой мере каждое издание удовлетворяет требованиям и убеждениям того или другого из наших читателей. Для выполнения этой задачи мы берем на первый раз первое полугодие детских журналов за нынешний год.

Начнем с тех журналов, которые существуют уже очень давно и успели установиться в своем характере и содержании.

Старейший из журналов, издававшихся ныне, – «Звездочка». На заглавном листе каждого из ее томиков нынешнего года стоит: «*год девятнадцатый*». Начнем же с нее.

Размеры «Звездочки» довольно тощи. Шесть книжек, из-

данных в первой половине нынешнего года, составляют два томика в 214+213 страниц. Однако же годовая цена журнала – 5 руб. сер. Между тем за 6 рублей «Детский журнал» дает *каждый месяц* по 150, а «Подснежник» и «Собеседник» – по 200 и более страниц. Следовательно, предполагая, что содержание этих журналов по достоинству равняется содержанию «Звездочки», оно оказывается *вдвое* и *втрое* дешевле ее. Иначе сказать, чтобы выдержать соперничество с другим журналами, «Звездочка» должна быть *вдвое* лучше «Детского журнала» и *втрое* лучше «Собеседника» и «Подснежника». То же самое нужно сказать и о «Лучах», которые так же тощи, как и «Звёздочка», но рублем еще дороже ее, – кажется за то, что при них прилагаются рисунки узоров.

Редакция «Звездочки» и «Лучей» одна и та же, следовательно, в отношении к направлению оба эти журнала можно рассматривать вместе. Разница между ними только та, что «Лучи» назначены для старшего возраста, а «Звездочка» – для младшего и самого младшего. Оттого характер «Лучей» несколько серьезнее. Что же касается до направления, то оно может быть названо религиозно-нравственным и патриотическим. Таковым оно было всегда, таковым осталось и ныне. За это постоянство направления нельзя не похвалить редакцию, потому что направление это само по себе совершенно здраво и как нельзя лучше соответствует началам истинной педагогики. Но не надо забывать, что и оно может сделаться мертвым и формальным, если в своих применениях

нимало не соотнобразяется с потребностями времени и обстоятельств. Высшие нравственные совершенства, как, например, героизм, самопожертвование и т. п., не могут быть предписываемы всякому во всякое время, особенно в той возвышенной и блестящей форме, в какой они представляются в великих примерах исторических лиц. В наше время, в нашем быту, редкому выпадет и возможность выказать подобные доблести: наш гражданский героизм и самоотвержение должны выражаться совсем в иных формах, так как сфера деятельности и вся обстановка нашего быта совершенно не те, каковы были у великих людей прежних времен. Да, кроме того, и самые понятия во многом изменились. Например, в недавнее время патриотизм состоял в восхвалении всего хорошего, что есть в отечестве; ныне этого уже недостаточно для того, чтобы быть патриотом. Ныне к восхвалению хорошего прибавилось неумолимое порицание и преследование всего дурного, что еще есть у нас. И нельзя не сознаться, что последнее направление патриотизма гораздо практичнее, потому что вытекает прямо из жизни и ведет прямо к делу, возбуждая энергию воли и внимание к настоящему течению дел. Сообразно с этим видоизменились и многие из понятий о нравственных обязанностях: добродетель, конечно, не перестала быть добродетелью; но оказалась надобность во многих из таких добродетелей, которые прежде считались почти невозможными, и наоборот. Например, послушание и скромность составляют по-прежнему украшение

юности; но в прежнее время об этих добродетелях так много толковали нам, так усиленно внушали их детям, что они сделались главным основанием нравственности. Теперь все заметили, что это основание не совсем пригодно для тех обстоятельств, в которых нам приходится действовать: нам надо выдерживать борьбу со злом, надо отстаивать свою душевную чистоту и защищать общественную правду от лжи, насилия и своекорыстия. Для этого надо нам запастись не только послушанием и скромностью, но и твердостью духа, верой в право и правду, умением оградить свою самостоятельность против всяких несправедливых покушений. Ясно, что понятие о добродетели осталось то же, но применение ее получило уже несколько другой вид.

Это изменение практического значения многих понятий необходимо должен иметь в виду всякий, кто пишет или издает что-нибудь для детей. Для них это гораздо нужнее, чем для взрослых. Мы еще можем как-нибудь дожить век, если и не совсем хорошо применимся к новым понятиям, которые теперь только начинают водворяться. Но дети, получающие теперь воспитание, войдут в жизнь и приступят к практической деятельности тогда, когда эти новые для нас понятия войдут в полную силу и сделаются необходимым условием гражданского быта. Если дети наши не будут приготовлены к ним самым воспитанием, то случится одно из двух: или они посмеются над этим воспитанием, бросят его, как ненужный и обременительный хлам, и сами себя вновь нач-

нут воспитывать; или же они останутся верны нашим началам и тогда войдут в разлад с лучшими стремлениями действительной жизни и вечно будут отсталыми, лишними, бесполезными людьми. Ни того, ни другого нельзя назвать особенно счастливым результатом.

К сожалению, редакция «Звездочки» и «Лучей» очень мало думает о современном движении идей и остается по-прежнему очень преданною высшим отвлеченностям и идеальным стремлениям, не имеющим практической применимости. В обоих журналах, издаваемых г-жою Ишимовою, мы не находим почти никакого отголоска на современные явления общественной жизни и разные вопросы, поднятые в последнее время у нас и в Европе. По-прежнему в «Звездочке» помещаются очень мило рассказанные уроки из «Всеобщей истории», занимающие в первом полугодии «Звездочки» до 70 страниц (то есть 1/6 всего издания); по-прежнему продолжают уроки английского языка по методу Робертсона;^[1] по-прежнему делаются пространные выписки из разбираемых книг, преимущественно духовного содержания, и помещаются для старших читателей нравственные размышления и рассказы (например, о том, «как часто провидение пользуется ничтожными причинами для великих последствий», «о любви и уважении к родителям у краснокожих индейцев» и т. п.), а для самых младших – анекдоты «о том, что сделалось с «нетерпеливым Ванечкой»» и т. п. Все это, конечно, очень хорошо само по себе и в своем месте. Но мы не пони-

маем, что за радость маленьким читателям, например, прочесть и выучить, пожалуй, в январе один английский урок, а потом через *два месяца* (уроки помещаются обыкновенно через книжку) получить следующий урок, и опять его пройти, и опять дожидаться два месяца. Таким образом, изучение языка пойдет лет на десять. Очевидно, что дети не могут им пользоваться в «Звездочке». Зачем же тут и место занимать английскими уроками? На это есть учебники. До некоторой степени то же самое можно сказать и об уроках истории. Что касается до выписок из книг, то их, конечно, можно бы составлять с гораздо большим тактом. Например, неужели стоило занимать целый печатный лист выписками вялых стихов из поэмы г. Федора Глинки «Иов»?^[2]

О нравоучительных анекдотах наше мнение известно читателям. Нетерпеливый Ванечка, рассеянный Гриша в длинной и скучной повести, изображенной г-жою Вороновой,^[3] и т. п. куколки, изобретенные схоластической дидактикой, никогда не заинтересуют умных детей.

Затем остаются в «обоих журналах – стихотворения, большие повести и мелкие заметки. В «Лучах» есть еще несколько статей в отделе *наук*, которые в «Звездочке» наполнены исключительно английскими уроками и уроками из всеобщей истории.

Стихотворения «Звездочки» и «Лучей» отличаются более идиллическостью и вялостью, нежели талантом. Большую часть их поставляет г-жа Каменская. Тенденции ее прини-

мают иногда довольно странный вид. Например, восхваляя паука, она впадает в такую философию до поводу паутины:

Видишь, в ней как мушек много;
Но он ест их не со зла;
Пауку по воле бога
Пища та дана была.
Прежде люди надевали
Только шкуру от зверей,
Тканей разных и не знали
В первобытности своей;
И вот этой паутиной
Дан им был к тканью толчок, и пр.

Много ли тут поэзии и до какой степени основательна натурфилософия г-жи Каменской, об этом распространяться не стоит. Но если уж «Звездочка» непременно хотела внушить детям участие к паукам, то не лучше ли было бы просто поместить дельную естественноисторическую статью о жизни и нравах пауков?

В другом стихотворении, «Рассказ няни моего отца», г-жа Каменская рассказывает про Пугачева и, между прочим, говорит с девочкой такими стихами:

Зачем же потупила глазки?
Коль врешь, так убирайся прочь!
Ну, вылитый ты дед, точь-в-точь!
Уж не уронишь род свой графский...

Не лучше г-жи Каменской и г. Н. У., который пишет о райской птичке таким образом:

Есть вдали, в выси, *святые*
Непорочные снега,
Их не мучат вихри злые,
Их не мерила нога.

Подумаешь, что издательница «Звездочки» и «Лучей» нарочно печатает подобные стихи, чтобы отбить детей от поэзии и показать им, что стихи суть не что иное, как чистейшая бессмыслица!

Из повестей «Звездочки» надо заметить повесть г-жи Вороновой «Мой дедушка и моя бабушка». В ней рассказывается нравоучительная история, как бабушка с матерней стороны научала своих внучат – склонять дедушку с отцовской стороны к завещанию им наследства, и что из того впоследствии вышло. «Твоей сестре надо приданое, когда она вырастет, – говорила бабушка Мише, – а ты проси у дедушки отцову долю, – тогда ты не будешь жить в Петербурге бедняком. Только ты сам, Мишенька, проси, и будь ласковее с твоим дедушкой, а у матери твоей не достанет духу просить чего-нибудь для вас, хотя она и должна была бы это сделать». И Миша действительно был умен и ласков с дедушкой и получил наследство, несмотря на интриги тетки и других внучат. Почему «Звездочка» считает особенно полезными и на-

зидательными для детей эти семейные дразги, мы никак не можем постигнуть. В «Лучах» есть также большая повесть г-жи Вороновой «Опасный дар». Дар этот состоит в поэтическом даровании, которое мешает девушке жить в ладу с действительностью. Повесть эта имеет слишком исключительный характер и скорее может принести вред, нежели пользу в нашем обществе, где и без того на всякое идеальное стремление смотрят как на что-то ужасное и несчастное и постоянно стараются внушать детям пошлые правила практической изворотливости, иногда даже не совсем честной.

Гораздо полезнее для детей рассказы с исторической основой или прямо взятые из истории, особенно новой. В «Лучах» может занять детское любопытство рассказ «Паскаль и его сестры», рассказы из средней истории о короле Генрихе, об Оттоне, статьи об Английской Индии, о Лукнове и Дели. За помещение этих рассказов нельзя не благодарить редакцию «Лучей».^[4] Не менее полезны и интересны могли бы быть и рассказы из географии и этнографии, всегда столь занимающие детское внимание. В этом роде в «Лучах» причтутся детьми «Мальстрем», «Суэцкий перешеек, наш Омнибуки в пустыне», «Нравы и обычаи японцев», «Пещера в горах Юры» – рассказ, имеющий, кроме того, и драматический интерес в самом содержании. К сожалению, всем этим рассказам вредит несколько излишнее красноречие, которым по местам они украшаются.

Вообще говоря, мы находим, что в «Лучах» и «Звездоч-

ке» проводится направление нравственное и патриотическое, что сведения часто сообщаются не бесполезные, но что оба журнала страдают излишнею отвлеченностью и оказываются очень шаткими в применении общих воззрений к частным случаям. Редакция обоих журналов стремится внушить детям, что нужно быть нравственно добрым; но в чем именно состоит нравственность, какие начала добра ею принимаются и как они должны быть выражаемы в данных отношениях и случаях, – это остается очень темным и неопределенным для юных читателей «Лучей» и «Звездочки». Между тем самое главное не только в детской, но и во всякой книге составляет уяснение частных приложений общего принципа и указание на подробности практические. От недостатка этих последних свойств чрезвычайно много теряют «Звездочка» и «Лучи», и никакое красноречие, никакие общие места о добре, смирении, послушании, набожности и пр. им не помогут.

После журналов г-жи Ишимовой самый старший из детских журналов – «Журнал для детей» г. Чистякова. Он издается уже лет десять, несколько раз менял свой формат и сроки выхода, утратил даже одного из первоначальных редакторов – г. Разина; но постоянно был верен своему направлению. Ныне он выходит еженедельно, по листу большого формата, в два столбца; в программе его по-прежнему остается «духовное, нравственное, историческое, естество-описательное и литературное чтение». Кто хотя поверхност-

но просматривал этот журнал за прежние годы, тот, конечно, заметил, что самая лучшая его сторона всегда была – естественноисторическая, и самая слабая – духовная и литературная. К сожалению, в последние два года, после отказа г. Разина от редакции, статьи по естественным наукам появляются в «Журнале для детей» все реже и реже, а нравственные размышления и беллетристические статьи все чаще. В первом полугодии журнала за нынешний год помещено только *две* значительные статьи по естественным наукам: «Термиты» и «Пеликан». Кроме того, был небольшой анекдот о *боа* да еще полуетественная, полуфантастическая статейка об инстинкте. Вот и все. И едва ли это не любопытнейшие и не полезнейшие статьи во всех двадцати четырех номерах журнала. Остальное заключается в трех или четырех статейках исторического свойства, в нескольких повестях раздирательного и мистического характера да в удивительнейшей статье, которую трудно причислить к какому-либо разряду: «Что мне особенно бросилось в глаза за границей». Возьмем несколько примеров из каждого рода статей, чтобы дать понятие о составе и характере журнала.

В первых двух номерах помещена повесть «Волк не волк, человек не человек». Содержание ее вот в чем. Одна знатная дама, испугавшись появления у себя в косе седого волоса, призвала волшебницу, чтобы купить себе вечную красоту. Волшебница согласилась на это с одним условием, чтобы дама отдала ей своего сына. Дама отдала; тогда волшебница

смыла с него воду святого крещения, и он сделался оборотнем. Он жил при дворе, отличался всеми возможными доблестями, но в известное время пропадал и в виде волка рыскал по лесу. Когда период бешенства проходил, он отыскивал свое платье под одним камнем и опять превращался в человека. Одна из придворных девиц влюбилась в рыцаря-оборотня, которого звали Мериадеком, и выведала его тайну. Рассказ Мериадека подслушала другая девушка, кузина первой, и решила им воспользоваться. Она узнала, что оборотень не может уже сделаться человеком, если унести его платье; узнала также, что оборотень избавится от способности превращаться в волка, если его истинно полюбит и выйдет за него замуж какая-нибудь девушка. На этом она построила свой план. Дело в том, что она имела уже связь с одним рыцарем; но рыцарь был беден, не имел никаких доблестей и содержал себя только грабежом и игрою. Чтобы доставить состояние своему возлюбленному, она решила завлечь Мериадека, владевшего огромным богатством, выйти за него, потом подкараулить его в лесу в минуту превращения, унести его платье и затем, оставшись, таким образом, вдовою, выйти за негодного и бедного, но милого ей рыцаря. Все это ей удалось как нельзя лучше. Но через несколько времени на королевской охоте поднят был какой-то чудный волк, которого не решились травить и который потом сделался постоянным спутником короля. Волк этот был очень смирен, но на одном королевском выходе откусил нос бывшей жене Мери-

адека. Это было как раз в том самом замке, который принадлежал Мериадеку и где было спрятано его платье. Девушка, бывшая влюбленной в Мериадека, тотчас смекнула, в чем дело; коварную жену заставили признаться, принесли платье; волк обнюхал его и удалился в другую комнату. Через час, когда вошли туда, то нашли в ней волчью шкуру и Мериадека, лежащего на кровати в своем платье. Все к нему бросились, и, между прочим, влюбленная девушка. «Вдруг Мериадек *с криком вздрогнул*. Кто-то в это мгновение вылил ему на голову холодной, как лед, воды; рыцарь сверкающими глазами обвел всех окружающих и увидел придворного капеллана с чашею в руках. Прежде чем Мериадек успел выразить свое неудовольствие, Витрика (девушка, влюбленная в него) закрыла ручкой ему рот и сказала: «Будь спокоен, мой друг, и радуйся вместе со мною; ты снова получил святое крещение, которое тебя и *охранит ото всех чародейств; святой отец наш, сам папа* освятил эту воду, когда я была в Риме, чтобы молиться за тебя» (стр. 21).

Таков рассказ, которым открывается нынешний год «Журнала для детей». Нужно ли доказывать, что чтение подобных рассказов в высшей степени вредно может действовать на детей? Во-первых, рассказ совершенно фантастичен, и, следовательно, в нем дурно уже то самое, что он отвлекает детское внимание от действительной жизни. Во-вторых, самая фантастичность его вовсе ее основана на возведении в сознательную личность каких-нибудь естественных свойств

предмета, как делается, например, в лучших сказках Гофмана; напротив, здесь фантастическое имеет тот уродливый и бессмысленный характер, каким оно отличается в грубейших сказках, слышанных нами в детстве от глупых нянек. В третьих, рассказ этот старается внушить детям самое дикое, неявное понятие о религии: он научает ценить не сущность религии, не внутреннюю ее основу, а только внешнюю, обрядовую сторону. Все бедствия Мериадека происходят оттого, что с него волшебница *смыла воду святого крещения*. Стало быть, крещение оставляет вещественные следы на теле человека, и эти-то следы предохраняют его от всяких темных влияний? Стало быть, по христианскому учению, сила крещения уже не в смысле таинства, а просто в воде? Должно быть, так, по мнению «Журнала для детей»; это доказывается и концом рассказа, где *вода, освященная папою*, восстанавливает силу смытой воды крещения. И опять вода, освященная папою, по смыслу рассказа, должна иметь большую силу, нежели вода, освященная просто аббатом! И молитва в *Риме* должна быть сильнее и действительнее, нежели молитва в какой-нибудь деревеньке!.. Скажите, неужели позволительно внушать детям такие раскольнические, тупоумные понятия?.. Мы вообще не на стороне теологической казуистики в детских книгах: нам кажется, что о предметах столь возвышенных и отвлеченных надобно говорить человеку уже несколько позже – когда он начинает входить в разум. Но, во всяком случае, если уже касаться этих предметов, то надо

говорить по крайней мере то, что не противно духу и чистому смыслу существующего у нас положительного учения, а не доказывать его сообразно с самыми узкими, односторонними и отчасти даже обскурантскими воззрениями.

Есть и много других вредных сторон в рассматриваемом рассказе. Он населяет природу кикиморами и оборотнями, заставляет детей верить чудесно-бессмысленным превращениям, зароняет в их сердца темные и потому очень вредные подозрения относительно семейных отношений. Само собою разумеется, что преступная связь злой девушки с рыцарем-негодяем рассказана очень скромно, со всевозможными умолчаниями и прикрытиями. Но здравая педагогика говорит, что ничего не может быть хуже этих умолчаний и прикрытий. Если хотите оставить детей в неведении относительно известного предмета, то вовсе не говорите и даже не намекайте о нем; а если уж заговорили, то говорите прямо и подробно. А между тем здесь в благовоспитанных формах изображается безнравственнейшее отношение семейное, и «Журнал для детей» полагает, что дети не поймут, в чем дело. Напротив, они это поймут все-таки, да, кроме того, еще приучатся к называнию вещей не собственными их именами. Не думаем, чтобы и это последнее было особенно желательно.

Помещение одного такого рассказа уже достаточно свидетельствует о том, до какой степени извращены педагогические понятия редакции журнала. Но это только один пример

из десятка подобных. Вслед за этим рассказом, во втором и третьем номере, идет длинная история «игральных карт». Помещение этой статьи оправдывается, конечно, тем, что, по словам ее автора, «в человеческом обществе нет вещицы, история которой не навела бы нас на что-нибудь занимательное» (стр. 22). Но в таком случае отчего же не занять детей чтением статей – об искусстве повязывать галстук, о тайнах шулерской науки, о глубочайших тонкостях геральдики и т. д.?.. На *что-нибудь занимательное* везде можно набрести...

За игральными картами следует рассказ «Странное гостеприимство», изображающий довольно недурно и гуманно положение беглого негра, – и статья «Термиты», на которую мы уже указали выше. Затем в № 5 «Песня о славном человеке», статейка с приторной сентиментальностью, заявляющая любовь автора к русскому человеку и повторяющая старую песню о том, как у нас проходят незамеченными многие подвиги, о которых составляются и ходят в народе целые песни. В этом же номере помещена маленькая заметка о балах в Северной Америке.

Далее в трех номерах идет повесть «Предрассудок». Предрассудок этот состоит в том, что знатной барышне не следует выходить за человека простого звания, хотя бы он был и образован и богат. Мысль обличить этот предрассудок очень удачна; но, во-первых, Алиса, преданная ему в повести, представляется идеалом всех совершенств; во-вторых, и

эта повесть имеет характер романов г-жи Ратклиф^[5] и сильно бьет на эффект вроде «Видений в Пиренейском замке» или «Пещеры смерти в дремучем лесу». Самый слог повести производит то же впечатление, какое должен производить теперь слог повестей Марлинского и патетических страниц графини Ростопчиной и графа Соллогуба. Приведем для образчика несколько строчек:

В это мгновение раздается оглушительный удар грома, молния разрезает небо, все ревет и внизу и вверху, и не переставая молния бьет за молнией, так что все кажется в огне; мы видим, как волны с яростию напирают на скалу, будто хотят сорвать ее с места, но, встретив отпор, с тем же ревом, с тою же быстротою бросаются назад, унося с собою челнок, который в то же мгновение исчезает вдали (стр. 124).

К этому *бурному* слогу имеет большую склонность «Журнал для детей», равно как, с другой стороны, сильно одержим он и любовью к островам, напоминающим водевили Александрийского театра. Этими островами особенно изобилует статья: «Что мне особенно бросилось в глаза за границей». *За границей* надо разуметь – в Берлине: только им ограничиваются наблюдения автора, и заглавие статейки дано такое обширное – вероятно, для пущей важности. Начинается статейка сожалением, что «в Берлине *ночью – и с глазами ничего не увидишь*», и желанием, чтобы «*солнце светило тут ночью* хоть на то время, когда приезжают путе-

шественники» (стр. 161). Продолжение соответствует этому остроумному началу, и если бы оно перенесено было в водевиль, то могло бы заставить весь раек «животики надорвать». Как видно, автор преимущественно эту цель и имел в виду и для достижения ее не боялся выставить себя даже в очень невыгодном свете относительно степени своего нравственного развития и образа мыслей. Например, он в гостинице не позаботился с вечера оставить сапоги у дверей, чтобы их вычистили. Служитель входит к нему утром и спрашивает: «Есть у вас сапоги?» Автор отвечает более наивно, нежели остроумно: «Есть; *не без сапог же я приехал*». Но служитель вразумляет его, в чем дело, и тогда наш путешественник изъявляет желание, чтоб ему вычистили сапоги поскорее. Служитель объясняет, что этого нельзя, потому что у него уже есть для чистки 156 пар других сапог, отданных прежде, и эти приходятся 157-м номером. Но автор наш пускается в остроумные словопрения такого рода: «Послушайте, – *мои сапоги 1 №; они из петербургского опойка, а русская кожа – крепче всех кож на свете; да и делал же их немец...*»¹ повторяет, что дело не в том, а нужно было их выставить у дверей заранее, и они бы попали прежде других. А остроумный автор наш выводит такое заключение: «Выходит, что и в Германии *надо выставляться*, чтобы даже между сапогами по-

¹ Служитель, не понявший каламбура. Да и как его было понять, если не предположить, что автор объяснялся с служителем по-русски? ибо сапожная кожа называется по-немецки Leder, а человеческая – Haut.

пасть в высшие нумера! *Ах, Берлин! Напрасно же я его искал вчера так жарко!*» (стр. 163). Заключение это немножко неожиданно; но остроумие автора ничем не стесняется... Он из кожи лезет, чтоб только сострить что-нибудь и соорудить каламбур. Вот несколько образчиков: «Я улыбался, в ответ на его улыбку, из вежливости и гордости, *чтобы ни на одну улыбку не одолжаться*» (стр. 163). «Рейнские вина, – разумеется, на самом Рейне, – очень хороши, *даже лучшие рейнских немцев*» (стр. 164). «В Австрии 20 миллионов славян и всего 5 миллионов немцев. Что ж за беда, что их *так мало? Пусть бы их хоть и совсем не было*, – я и в этом еще беды не вижу» (стр. 165). «Деятельный *народ* в Германии: ни одна *собака* без дела не остается» (стр. 172). «Фридрих II *легко лишь на помине*, в истории да в анекдотах, – а то куда был *тяжел!*» (стр. 173). «Что это такое? – Тиргартен (звериный сад). – Что ж, тут *звери прогуливаются?*» (стр. 173)... Всех острог, впрочем, не перечислишь... Замечательно только то, что для красного словца автор нисколько не колеблется пожертвовать строгостью исторической истины. То он приобретет в Берлине крейцеры, которые там вовсе не в ходу, то расскажет, что каждому доктору нужно здесь платить по два червонца за визит, то уверит, что его кто-то из немцев назвал *Чичиковым*, по причине трудности его собственной фамилии, и т. д. А между тем это неприличное, бесплодное и ненужное шутовство дурного тона пересыпается звонкими, подчас даже сентиментальными фразами о пользе образо-

вания... Хорошо уважение к образованию, которое можно внушить детям рассказами и каламбурами вроде приведенных нами выше!..

Не будем говорить о нелепой сказке «Живая трава» и о дикой повести «Цыгане», в которой, между прочим, опять упоминаются с фарисейской скромностью грязные отношения начальника табора к одной цыганке. Образец подобных повестей мы уже видели в разборе рассказа о волке-оборотне. Не станем распространяться и о «рассказах из русской истории», в которых, рядом с несколькими полезными сведениями, толкуется вкривь и вкось о славянской мифологии и о начале русской истории. Заметим только, что если по недостатку данных до сих пор нельзя сказать об этом ничего положительного и окончательно разъясненного, то неужели нельзя найти в русской же истории предметов более интересных и важных?

Лучше других в «Журнале для детей» статьи: «Очерк жизнеописания Давида Ливингстона», дающий некоторое понятие о жизни и похождениях знаменитого путешественника, «Внутреннее состояние Англии в конце XVII столетия» и «Из записок французского миссионера в Техасе». Эти статьи прочтутся детьми не без пользы и могут заинтересовать их, хотя в этом последнем отношении статья об Англии и могла бы быть составлена удовлетворительнее.

Затем можно еще указать на «Греческую идиллию» как на статью, тоже не совсем лишенную интереса для молодых чи-

тателей. Что же касается до приторных разборов «Птички» и «Нивы», двух стихотворений – Плещеева и Жадовской, и такого же отзыва об «Иове» г. Глинки, – до высокопарного рассказа об Эдистонском маяке, до туманно-мелочных размышлений об инстинкте, до риторической амплификации под названием: «Что хорошего в нашей зиме», и пр. т. п., то о них не стоит и слов тратить...

Итак, мы должны, к сожалению, сознаться, что «Журнал для детей» имеет направление скорее вредное, нежели полезное для детей, что занимательность его повестей имеет мистически-легендарный характер, что безобразно сентиментальная тенденция проникает все его теоретические статьи и что только в отделе истории и естественных наук он имеет некоторое право на наше внимание. Но и исторические статьи его надо давать для чтения детям с большою осторожностью. А то они как раз напитаются такими уродливыми фантазиями, что после и не сладишь...

Таковы наши *старые* детские журналы, уже утвердившиеся во мнении публики и создавшие себе определенный круг читателей. Мы видели, что они далеко не удовлетворяют современным требованиям здоровой педагогики, и, может быть, причиною тому служит самая старость их. Они были основаны в то время, когда у нас на дело воспитания еще не смотрели серьезно; начаты они так себе, без определенного сознания, *к чему именно и как именно* нужно вести детей посредством систематического чтения. Следовательно, от них

и требовать не нужно слишком много. Двадцать, и даже менее, лет тому назад у нас были убеждены, что воспитание должно сделать дитя послушным и знающим урок, – только. Три журнала, рассмотренные нами, совершенно удовлетворительны с этой точки зрения: к послушанию и учению уроков они побуждают детей чуть не каждой статьей. Ныне о воспитании думают иначе; задачей его считают возможно полное и правильное развитие личной самостоятельности ребенка и всех духовных сил, заключающихся в его натуре. При таких понятиях о воспитании и детское чтение должно получить иной характер. Не отвлеченно-моральные сентенции, не фантастические бредни, не умилительные разглагольствия должны теперь наполнять страницы детских книг; в них должны сообщаться положительные сведения о мире и человеке, рассказы из действительной жизни, разъяснение тех вопросов, которые теперь волнуют общество и встретят нынешних детей тотчас, как только они вступят в жизнь... Разумеется, старые детские журналы не могли отстать от своей рутины, и нечего слишком винить их за то. Новое время вызвало новые детские журналы, и в них-то должны мы искать новое направление...

Но разбор этих *новых* журналов мы отложим до одной из первых книжек будущего года.^[6]

Примечания

Впервые – «Журнал для воспитания», 1859, № 12, отд. VI, стр. 336–351, без подписи.

Рецензия свидетельствует о большом внимании, которое уделял Добролюбов вопросам воспитания детей – одной из проблем, широко поставленных в 60-е годы XIX века.

Детский журнал (рассчитанный в основном на девочек) «Звездочка» (1842–1863) и «Лучи» (1850–1860) – «журнал для девиц» – издавались в Петербурге А. Ишимовой. Об Ишимовой (1804–1881) см. рецензии Добролюбова «"Первое чтение и первые уроки для маленьких детей"». Соч. А. Ишимовой» и «"Маменькины уроки, или Всеобщая история в разговорах для детей"». Соч. А. Ишимовой» («Журнал для воспитания», 1859, № 1; т. 4 наст. изд.). «Журнал для детей» (1851–1865) – иллюстрированный еженедельник, издавался в Петербурге под редакцией М. Б. Чистякова, соиздателем до 1856 года был А. Е. Разин. Казенно-патриотическое и религиозное направление этих трех журналов сложилось еще во время николаевской реакции.

В рецензии упоминается другая группа журналов для детей – журналы, начавшие выходить в 1858–1859 годах и отразившие общественные сдвиги эпохи 60-х годов. Это – «Подснежник» (1858–1862) В. Майкова, «Детский журнал» (1859–1860) Б. Залесского, «Собеседник» (1859–1860)

Н. Ушакова и «Рассвет» (1859–1862) В. Кремпина (в «Рассвете» сотрудничал Д. И. Писарев). Эти «новые журналы» должна была характеризовать вторая часть обзора, которая не была написана Добролюбовым.

Комментарии

1.

Имеется в виду книга «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» (ч. 1–6, СПб., 1837). Истинный ее автор – профессор Дерптского университета Н. А. Иванов. Издана под именем известного своей реакционностью журналиста Ф. В. Булгарина, финансировавшего ее издание.

2.

Поэма напечатана в журнале «Лучи», № 5.

3.

Добролюбов имеет в виду повесть А. Вороновой «Похождения Гриши» («Звездочка», № 3). Далее им охарактеризованы произведения М. Каменской: «Паук» («Звездочка», № 2) и «Рассказ няни моего отца» («Звездочка», № 1), и повести Вороновой: «Мой дедушка и моя бабушка» («Звездочка», №№ 4 и 5), «Опасный дар» («Лучи», № 1–2). Об А. Вороновой (псевдоним А. Д. Вернер) см. в рецензии Добролюбова «"Первый шаг..." Августы Вороновой» (т. 2 наст. изд.).

4.

В № 3 журнала «Лучи» в статье «Английская Индия» давались некоторые сведения о колониальной эксплуатации

в Индии и восстании 1857–1859 годов. Лукнов (Лакнау) – индийский город.

5.

Ратклифф (Радклиф) Анна (1764–1823) – английская писательница, известна была своими «романами ужасов», вызвавшими ряд подражаний. Таковы и упомянутые Добролюбовым в этой фразе два романа, якобы принадлежащие Радклиф и под ее именем опубликованные.

6.

В журнале «Воспитание» (под этим заглавием с 1860 года стал выходить «Журнал для воспитания») в №№ 5 и 6 анонимным автором был продолжен «обзор детских журналов»: «4) «Подснежник», журнал для детского и юношеского возрастов, издаваемый В. Майковым» и «5), «Детский журнал», издаваемый Б. Залесским».